

Г. ОБЕРХАММЕР

ОПЫТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ (фрагмент)*

«Сакраментальная» конституитивность спасительного присутствия трансценденции

Для того, чтобы быть присутствием спасения в религиозной традиции, «мифическое присутствие» «по-ту-сторону-сущего» должно стать «созерцанием» в пространстве и времени и, таким образом, приобрести так необходимую «сакраментальную» конституитивность. Однако при этом не имеется в виду, что данная «мифизация» «по-ту-сторону-сущего», посредством которой оно становится «мифически присутствующим», в пространственно-временном созерцании становится конкретной (как если бы этот религиозный образ уже имел «сакраментальный» характер), но он [образ] является «мифическим присутствием» самого «по-ту-сторону-сущего», которое таким образом должно перейти в созерцание и стать «сакраментальной» действительностью. Если здесь и говорится, и, пожалуй, даже и должно говориться, о «сакраментальной» действительности, то потому, что это «мифическое присутствие» посредством перехода в созерцание во времени и пространстве становится предметно-событийным феноменом, который в своей собственной пространственно-временной действительности означает спасительное присутствие самого «по-ту-сторону-сущего» и ко спасению человека встречает его [«по-ту-сторону-сущего»] в нем в объективированной конкретности. Ее обоснование и ее значимость [Gültigkeit] приобретают это «сакраментальное» спасительное присутствие, поскольку ее «сакраментальная» конституитивность заложена в основание природы самого человеческого опыта трансценденции.

Так как опыт трансценденции по его внутренней конституитивности всегда уже связан с «сontinuo», с со-сущим, он устанавливает его

* Перевод подготовлен при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00479 А, «Трансцендентальная герменевтика Г. Оберхаммера в истории европейской и индийской философии». Перевод подготовлен по изданию: Oberhammer G. *Versuch einer transzendentalen Hermeneutik religiöser Traditionen.* – Vienna: Institute for Indology, 1987. – S. 42-47.

[communio] в горизонте абсолютного вопроса о смысле и не-релятивируемой отнесенности человека к «по-ту-сторону-сущего» в этом вопросе, поскольку эта отнесенность в опыте трансценденции соответствует безоговорочной обнаженности, отдающей себя захваченности человека «по-ту-сторону-сущего» как «к-чему» каждый раз в своем собственном скачке в качестве модуса его осуществления (см. прим. 1).

Захваченность «по-ту-сторону-сущего» как таковая не может быть осуществлена, если человек не осуществляет ее безоговорочно, т.е., с полной отдачей также и фактичности со-сущего, так что она в своем осуществлении ни в каком отношении не может быть у него отнята и снова возвращена в скрывающую перед со-сущим обнаженность и отчуждающую «сокрытость». Эта отдавание себя захваченности как «communio» с со-сущим в основе своей требует, даже если в действительности и не в каждом отдельном акте (см. прим. 2), действительного осуществления этого «открытия» отдачи, дабы быть подлинным экзистенциалом субъекта, а не лишь в основе своей никогда не реализуемой возможностью. «Communio» с со-сущим, неизбежно полагаемое во внутреннем осуществлении, требует действительной реализации в общине совместно с со-сущим и тем самым возможности надындивидуального становления видимым устанавливающей его [communio] субъективной захваченности «по-ту-сторону-сущего». Именно в том факте, что человек придает явленность «мифическому присутствию» «по-ту-сторону-сущего» в объективируемом им переходе к созерцанию «мифического присутствия» «по-ту-сторону-сущего», безоговорочная захваченность человека тем, что «по-ту-сторону-сущего», становится надындивидуально видимой.

Однако при этом, в качестве условия его [communio] возможности, требуется также пространственно-временной переход к созерцанию «мифического присутствия» того, что «по-ту-сторону-сущего». Такой пространственно-временной переход к созерцанию его [«по-ту-сторону-сущего»] «мифического присутствия», указывая лишь на некоторые примеры, имеется в индуистской традиции в виде изображений божеств (murtih), «сакральных слов» (mantrah) или «сакральных жестов» (mudra); в религиозной традиции христианства встречается в некотором смысле в виде церкви, но в любом случае в узком смысле как таинство христианской теологии.

Чтобы сделать отчетливым «сакраментальную конститутивность» этого перехода к созерцанию в пространственно-временном объективировании «мифического присутствия» того, что «по-ту-сторону-сущего», ее основоположение нуждается все же в дополнительном раскрытии в опыте трансценденции. Если отстаиваемый здесь взгляд верен, то опыт трансценденции осуществляется не как теоретическое познание «истины» как таковой, но всегда как встреча ко спасению с тем, что «по-ту-сторону-сущего». Но для того, чтобы быть спасительной встречей, опыт трансценденции в своем осуществлении нуждается в качестве условия своей возможности в событийном моменте, в котором он как «встреча» может в определенное время стать конкретным.

Априорный скачок трансцендентального субъекта к «к-чему» как постоянная конституитивность «у-себя-бытия» столь же мало может быть таким событийным моментом, как и постоянное предоставление себя тем, что «по-ту-сторону-сущего», в качестве «к-чему» этого скачка. Событием, при котором опыт трансценденции может стать встречей ко спасению с тем, что «по-ту-сторону-сущего», оказывается, скорее, одно лишь высказывающее-себя-обращение «у-себя-сущего» к постоянно сообщающему себя как открытость «к-чему» своего трансцендентального скачка, в котором высказывающее-себя-обращение, «мифизация» становится в опыте проектом «мифического присутствия» того, что «по-ту-сторону-сущего», и тем самым «мифически» само входит в эту встречу. Момент, в котором опыт трансценденции становится действительным в качестве события спасительной встречи, является не чем иным, как конкретной действительностью «мифического присутствия» того, что «по-ту-сторону-сущего», в которой и свершается встреча (и вместе с этим спасение), однако все же не «мифизацией» того, что «по-ту-сторону-сущего», которой, как языковому отпечатку проекта опыта, не может быть присущ событийный характер.

Поскольку отдающая себя со-сущему захваченность субъекта тем, что «по-ту-сторону-сущего», возможна только как «coniunctio» с со-сущим и становится подлинным экзистенциалом субъекта только посредством основополагающей возможности ее пространственно-временного осуществления, можно также сказать, что в этом пространственно-временном осуществлении предоставление себя тем, что «по-ту-сторону-сущего», должно событийно стать «присутствием ко спасению» и, таким образом, в пространственно-временном объективировании надындивидуально может быть преобразовано в созерцание. Здесь становится ясно, что в этом смысле в действительности не «мифизация» становится событийным моментом спасительной встречи, а только лишь само предоставляющее себя в пространственно-временном созерцании «по-ту-сторону-сущего».

Тем самым собственно уже дан ответ на вопрос, как спасительное присутствие того, что «по-ту-сторону-сущего», возможно в качестве пространственно-временного феномена, т.е., в каком смысле можно вообще говорить о чем-то подобном, где объективированная в пространственно-временной созерцательности конкретность того, что «по-ту-сторону-сущего», как и «мифизация», положенная в ее основание в качестве проекта его «мифического присутствия», все же мыслима только как свободное полагание человека. Ибо в конечном счете также и о церкви, и таинствах христианской традиции веры следует сказать, что они являются свободными полаганиями человека Иисуса из Назарета (без ущерба для веры в его божественность), также как и то, что изображение божества (murtih) и «сакральное слово» (mantrah) индуистской традиции должны быть свободно положенными человеком феноменами, даже если они в действительности и полагаются, как сообщенные в Откровении самим Богом.

Тем не менее, об объективированном в них спасительном присутствии того, что «по-ту-сторону-сущего», можно и нужно сказать, что в него правомерно веруют и высказывают его в действительной форме, так как оно в его действительности [Gültigkeit] обосновывается посредством свершающегося в нем засвидетельствования удачного опыта трансценденции и, таким образом, становится действительным хотя и в свободном, но все же не в безответном полагании человека. Только потому, что в свободно положенной «мифизации», как в проекте опыта, трансценденция в действительности познается в ее присутствии и, тем самым, «по-ту-сторону-сущего» встречается как предоставляющее себя человеку ко спасению, человек обладает возможностью и правом придать этому присутствию того предоставляющего себя ко спасению «по-ту-сторону-сущего» также объективированный, пространственно-временной вид, дабы быть в состоянии сделать тем самым действительностью свою захваченность этим присутствием, которому открывается «communio» с со-сущим. Ибо так как содержащийся в «мифизации» проект ожидания того, что «по-ту-сторону-сущего», фактически был достигнут и стал предоставляющим спасение присутствием, оно остается этим даже в его надындивидуальном свободно положенном объективировании. И поскольку это предоставляющее спасение присутствие не может быть осуществлено человеком, но является самым предоставляющим себя ко спасению «по-ту-сторону-сущего», только лишь в вере может человек исповедовать, что «сакраментальная» конститутивность «мифического присутствия» того, что «по-ту-сторону-сущего», свободно желаемо Богом и полагается человеком по его заповеди.

Спасительное присутствие того, что «по-ту-сторону-сущего», в качестве сакраментальной действительности в его пространственно-временной фактичности означает, что в нем уже предвосхищается встреча человека с тем, что «по-ту-сторону-сущего», как с его не вызывающим сомнения спасением, т.е., предоставляется всегда уже как свершившееся еще до всякого субъективного опыта. Как бы то ни было, «сакраментально» действенным оно [присутствие] как предоставленная встреча для человека становится только в его актуализации посредством безоговорочно отдающей себя захваченности человека уже всегда предоставленной в ней действительности того, что «по-ту-сторону-сущего». Если же пространственно-временная созерцательность его «мифического присутствия» гипостазирована в собственную «мифологическую» действительность, то «сакраментальная» конститутивность этого присутствия вырождается в независимую магическую действительность, которая как предоставленное присутствие того, что «по-ту-сторону-сущего», закрывается в себе самой и делает для человека невозможным встречу с ним.

Примечания

1. Это «Communio» конкретизируется при помощи фактической «мифизации» того, что «по-ту-сторону-сущего», в «говорении» друг с другом и в засвидетельствовании друг другу трансцен-

денции как спасения. Только в реализации «раскрываемой» отдачи собственной непосредственности трансценденции в «сказывании» и тем самым в конкретно осуществленной отданности со-сущему «мифизация» «к-чему» каждый раз своего собственного трансцендентального скачка становится возможной и то, что «по-ту-сторону-сущего», становится тем самым мифически присутствующим ко спасению. — «Но почему же необходимо говорить, что переходящая-в-опыт трансценденция как спасение свершается в основе своей в поле напряжения встречи? Не является ли равно вознесенность человека над бездуховной природой, становление осознанным незащищенного бытия в противопоставлении миру, по отношению к которому человек уже всегда оказывается чем-то совершенно иным, также тем пространством, в котором человек прорывается к опыту трансценденции? Возможно, это и нельзя исключать. Однако возможно, даже если такое противопоставление духа миру без учета каждой, также и той лишь возможной встречи с со-сущим, которая была бы мыслимой — фактическая экзистенция человека в основе своей оставила эту возможность позади себя — трансценденция еще по-прежнему как «немая» (но не молчащая) глубина действительности становилась бы опытом. Ибо в подобном опыте о трансценденции невозможно обоснованно достичь никакого убеждения относительно того, что тематизируемое в трансцендировании сущего «Ничто» (Не-сущее) открывает себя человеку ко спасению.

Бездуховное сущее природы, которое не может вступить в непосредственность сообщающей себя открытости встречающегося, могло бы сообщать попадающую в поле зрения по-ту-сторону-сущего трансценденцию только как «Ничто», как «не-сокрытую» чуждость Не-Я. Только во встрече с со-человеческим сущим трансценденция познается как та духовная реальность, при воззвании которой живет человек и ради которой он побеждает свои внутренние потребности и эгоистические фиксации и только таким образом впервые и приходит к свободе и открытости подлинного человеческого бытия. Опыт такой духовной реальности сообщается во встрече, поскольку она оказывается засвидетельствованной в сообщающей себя открытости встречающегося.

Прежде всего и по большей части это засвидетельствование свершается посредством собственного жизненного свершения как посредством такового встречающегося; и оно делается возможным только тогда и посредством того, что сообщающее себя открывание встречающегося реализуется в посредничестве становления языком. Только в процессе становления языка, в котором свершающееся во встрече и в направленности на встречу человеческое вот-бытие становится высказываемым, трансценденция обретает свой облик в качестве Бога, Браммы или той трансцендентной души (rigusah) Санкхьи, которая является последним преисполнением смыслом человеческого свершения, и начинает приписывать человеку его абсолютный смысл вот-бытия (см.: Oberhammer G. *Der Mensch als Ort der Offenbarung // Sein als Offenbarung in Christentum und Hinduismus. Beiträge zur Religionsteologie*. Bd. 4 / Hrsg. von A. Bsteh. Mödling, 1984. — S. 22-23).

2. Подобное можно сказать, пожалуй, и в отношении наличного пространственно-временно-го перехода в созерцание того, что «по-ту-сторону-сущего», в определенной религиозной традиции. В конечном счете форма становления видимым «мифического присутствия» трансценденции зависит от основополагающего вида ее мифического сообщения. Если она недоступна пространственному иконографическому созерцанию, как в случае «нирваны» буддистов, что, по крайней мере в различные периоды, как кажется, имело место, переход во спасение в созерцание того, что «по-ту-сторону-сущего», может ограничиться явлением его «мифического присутствия» в *Communio* «сказывания», т.е., в определенных ритуальных действиях.

Пер. с нем. Л.Э. Крыштон

Поступила в редакцию 16.06.2022 (№ 2502)